

*Искусство
и действительность*

*Искусство
и действительность*

АЛЕКСАНДР БЛОК
КРАСКИ И СЛОВА

РИПОД
КЛАССИК

УДК 7.0
ББК 87.8
Б70

Вступительная статья А. В. Маркова

Блок, Александр

Б70 Краски и слова / А. Блок ; [вступ. ст. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик. — 268 с. — (Искусство и действительность).

ISBN 978-5-519-64070-1

В сборник включены самые яркие эстетические и критические работы великого русского поэта А. А. Блока, посвященные миссии искусства в современном мире. Блок видел в искусстве не украшение жизни, а особую задачу, стоящую перед всем человечеством. Ясная и эмоционально насыщенная проза Блока позволяет сориентироваться в культуре русского Серебряного века и дает пример ответственных и пронизательных высказываний о конструктивном значении стиля в искусстве.

**УДК 7.0
ББК 87.8**

ISBN 978-5-519-64070-1

© Марков А. В.,
вступительная статья, 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ОТКРЫТОСТЬ И ОТКРЫТКИ «ТОРНЫХ ПУТЕЙ»

Среди плеяды русского модерна Блок — отдаленная и при этом мощнейшая звезда. Его никто не признавал теоретиком в полном смысле, не признавал и критиком; напротив, мемуаристы часто говорили о том, что трудно было сразу ухватить смысл его речи, и тяготение слов друг к другу не давало сразу вычленить из речи поэта корень смысла. Но влияние его чувствовали и те, кто меньше всего задумывался о дальнейших судьбах поэзии или о месте каждого поэта в поэтической теории — кажется, его так же нельзя было избежать, как притяжения. Как нельзя не вздрогнуть при порыве ветра, нельзя было не запомнить навсегда содрогание при встрече с Блоком. Когда Б. Пастернак отождествил Блока с ветром (это единственное сти-

хотворение, которое перевел на свой язык великий французский поэт Рене Шар), то имелся в виду вовсе не ветер перемен или даже не ветер судьбы, но порыв, заставляющий все деревья наклониться, все травы прильнуть, все дома закрыть окна — меняющий события не новаторски и не катастрофично, но пронизывая дрожью незаметно наступившей эпохи.

Известен эпизод из воспоминаний А. Ахматовой: молодой поэт Бенедикт Лившиц посетовал, что Блок одним существованием мешает ему писать стихи. Вроде бы известный мотив: гений уже всё сказал, исчерпал эпоху своей образностью, и другим принадлежащим эпохе писателям не остается права на слово, — как это изображено в рассказе С. Кржижановского “Клуб убийц букв”. Но Блок не огорчился столь спонтанным вторжением в его душу, минутной оккупацией его внутреннего мира, но ответил с небывалым спокойствием, что ему тоже мешает писать Лев Толстой. Блоку явно было не горестно, но страшно и радостно жить во времена Льва Толстого: если Толстой может сказать то, что никто другой не успеваешь сказать,

то значит, история набрала свой полный оборот, и мы не обделены историей.

Кредо Блока все помнят, хотя и немногие над ним задумываются:

*Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, побряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.*

*Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро...*

*Тащитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!*

*В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.*

Дело вовсе не в том, что бродячий балаган, благоприятное поэтическое слово, позволяет

с небывалой искренностью говорить о рае беспечной жизни. Так понимать было бы просто, но неверно. Речь о другом: заморские песни легко становятся ходячими истинами, но всякий раз надо пройти тот путь, который банальности пролетают быстро. Блок требует не просто возделывать свой сад, но трудиться в любое время года, проходить нивой и пашней. Только тогда песня труда, песня отдыха, песня живого чувства вновь станет райской песней.

Мы часто воспринимаем Блока как вдохновенного кудрявого юношу и не задумываемся, какая работа стояла за этим вдохновением, по-настоящему филологическая, критическая, работа общения и работа понимания. Чтобы создать Прекрасную Даму, чтобы пережить откровения земли и неба, нужно было не просто прочесть книги о средневековой или ренессансной культуре — чтобы читать книги, не надо быть поэтом. Нужно было справиться с целым фронтом работ: разобраться в своих и чужих жизненных ситуациях, понять, как живет образ в разные эпохи, и при каких условиях образ остается живым вопреки всему. Блок де-

лал все это с упорством естествоиспытателя, руководящего лабораторией, ставящего сотни экспериментов и не жалеющего сил, забывающего о семье и родных, но получающего в конце концов нужное лекарство. Легко вспомнить неудачу его брака, но труднее понять, сколь тяжело было добывать сокровище, уберегающее от неудач, — при этом сокровище XX века, не старые снадобья, но лекарство от новой, небывалой нервозности.

Блок всем своим воспитанием был предназначен к профессорской карьере, а не к вольной песне. Замкнутый и наблюдательный, воспитанный отчимом в гвардейских ротах, предпочитавший мечту игре — именно из таких выходят великие математики и биологи, бегущие от гнетущего быта в мир точных и несомненных наблюдений. Как и старшие его современники, Василий Розанов и Иннокентий Анненский, Блок влюбился в женщину много старше себя, но до брака и совместной жизни дело не дошло. Вероятно, это обстоятельство и сделало его поэтом: может быть, сложись его жизнь иначе, мы бы знали философа Блока или

театрального критика Блока, но не поэта Блока. Не успев поступить в университет, он увлекся другой избранницей, дочерью великого химика, нежной сверстницей, актрисой-экспериментатором. Мы часто, смотря на фотографии Любови Дмитриевны, думаем, как эта одутловатая, с незапоминающимся лицом женщина стала музой поэта. Но мы не задумываемся о том, что она была экспериментатором особого рода, с живым и подвижным взглядом, небывалыми амплуа и немислимыми догадками: она вела эксперимент с актерскими интонациями, с мельчайшими душевными движениями. Можно сказать, что если Блок был кем-то вроде директора большой лаборатории, то Менделеева — скорее амбициозным лаборантом, неожиданно меняющим отдельные условия эксперимента в надежде получить поразительный результат. Совместная их обычная жизнь была невозможна, одни увлечения сменяли другие, как невозможен общий быт двух фанатиков науки: как известно, для профессора бог — профессор, а дьявол — другой профессор.